

Владимир Фадеев

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОРЛА

БЫЛЬ

Том 2

*Не потому ли на Оке
Иные бытия расценки...
Б. Ахмадулина*

*«Небываемое бывает»
Надпись на медали 1703 г.*

Москва
Интернациональный Союз писателей
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф15

Фадеев, Владимир

Ф15 Возвращение Орла. Том 2 / В. Фадеев. – М. : Интернациональный Союз писателей, 2022. – 668 с.

ISBN 978-5-6049029-5-0

В конце 80-х годов группа физиков-ядерщиков попыталась использовать шанс предотвратить катастрофу страны, став командой мистического корабля «Орёл», некоего архетипа континентального русского духа, неизменно возвращающегося в нашу реальность за три года до национальной трагедии. Результат миссии пока неизвестен, но он в наших руках. Место действия – село Дединово, родина российского триколора и первого военного корабля «Орёл».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

16 мая 1988 года, понедельник

Бухгалтер – Утренние гости – Семён расследует –

Плохишская тайна – Златая цепь –

Рукопись, глава шестая – Лилит в милиции –

На тот берег! – Сон Семёна – ...От яиц Леды –

Омут – На другом берегу – Жуткий улов

*Если мы не филологи,
тогда мы вообще никто.*

А. Г. Дугин, «Филолог Аввакум»

Бухгалтер

*И вот у самых дверей в кабинет
Коротков столкнулся с неизвестным,
поразившим его своим видом.*

М. Булгаков, «Дьяволиада»

И он снова вспомнил, что и в прошлом году, именно в это время, на третий или четвёртый день после Победы, директора как ветром сдуло. Разгар посадки, какие дела в Москве могут быть важнее дел в Дединово? Ещё через два или три дня после его отъезда случилось ЧП с бывшим парторгом, нужно было этим происшествием заниматься, милиция, районные следаки, райкомовская комиссия – а директора нет. Парторга, Маркова Евгения Елизаровича, до сих пор так и не нашли, а хватились сразу: утром он позвонил своему прямому шефу в райкомовский орготдел, пустил панику, что «река выходит из берегов (половодье две недели как сошло), всему конец», из кабинета убежал взъерошенный, чуть, кстати, не сбил его, Ивана Прокоповича, с ног, не извинился, прохрипел какое-то ругательство и на своём «газике» – из окна бухгалтерии видели – рванул в сторону дома. И всё. Через час его начали искать райкомовские, домой послали директорского водителя, он-то и обнаружил, что партийный «газик» стоял около ворот с работающим двигателем, но в доме Евгения Елизаровича не было, а по двору бегал агрессивный хряк.

Поросёнка вызванная с работы жена Маркова за своего не признала, впрочем, ей было не до поросёнка: впечатлительная женщина так разволновалась от скопления людей и ощущения беды, что её в предынфарктном состоянии увезли в Луховицы. Хряка же, как своего, забрал пьяница-сосед, а поскольку никто этой экспроприации не оспорил, к вечеру того же дня из-за соседова забора уже вовсю тянуло палёной щетиной.

А вспомнил потому, что в правлении вчера – в воскресенье! – появился прошлогодний сыщик. Тогда, год назад, он Прокопыча просто достал: «Вы же виделись с ним последний? А что он вам сказал? А вы не повздорили? А где вы сразу были после этого? Кто может подтвердить?». Ну, и так далее и тому подобная ересь. Вопросы задавал как робот, таким механическим голосом, ответы не слушал, едва Прокопыч собирался открыть рот, перебивал, как бы давая понять, что он и так всё знает: куда, кто и почему делся, а спрашивает для проформы или маскировки крайнего своего недовольства. «Вы сами-то кто будете? – спросил, наконец, и Прокопыч, когда тот после каскада безответных вопросов вдруг о чём-то задумался. – Вы что, из органов?». «Я из органов? – удивился странный сыщик и, оглядев при этом свой фасонный, явно не москвошвеевский серый костюм, словно кто-то его испачкал, перешёл на человеческую интонацию: – Нет, это вы из органов, я из... – и опять оглядел себя как бы со стороны, – я из других компонентов». Остряк. Посмотрел на Прокопыча, будто искал, за что бы зацепить его и потащить, и не нашёл. В общем, ерунда...

Но вчера этот следопыт вышел из закрытого кабинета директора, увидел Ивана Прокопыча и, не поздоровавшись, задержав на секунду на бухгалтере взгляд, словно тоже что-то вспомнив, ткнул в него пальцем и вернулся назад.

Этого взгляда бухгалтеру было довольно, чтобы заметить некоторую озабоченность, даже нервозность, и ещё то, что Прокопычу он был явно не рад, последняя гримаса с тычком пальцем как бы говорила: «Ты-то во всём и виноват!». Пустяк, а бухгалтеру Сутейкину стало не по себе: что же это он такое вспомнил? Что можно вспомнить о человеке, который и сам-то о себе ничего *такого* не помнит? За столько лет при деньгах ни копейки к нему не пристало, не было на этот счёт ни в душе, ни в голове у

него места-лазейки, хотя сколько раз в мутном потоке дотаций и перерасходов проплывали – руку к авторучке протяни – разные лёгкие суммы, но для всего он находил приходную статью. Репутация же всё равно была не исключительно честного, а исключительно умного человека. Что хочешь, то и думай. Одно время замдиректора (года три проработал, пока не пропал... а ведь тоже, кстати, в эти дни, в мае...) даже приклеил к нему звание дединовского Корейко, но не удержалось прозвище. А уж как он вокруг Прокопыча крутился: и в друзья набивался, и выпить предлагал, в шахматы ему проигрывал по пять раз подряд, и всё сетовал, что главный бухгалтер такого знаменитого совхоза и без машины, но Иван Прокопович только усмехался. «Бендера на тебя нету!» – сокрушался зам перед тем, как пропасть. Бендера... Ну, не глупые ли люди? Какого Бендера, если у него под кожей, в какое место ни ткни, вот таким слоем, как жир у моржа, залегал реликтовый страх похлеще любого Бендера? Сколько б он и до этого ни пытался рассуждать о его происхождении и праве столько лет держать человека за холку, проигрывая самые худшие варианты в биографиях неизвестно как сгинувших родственников, страх не раскрывался и, значит, не исчезал. До чего доходило: он боялся, что дочку, Катеньку его разлюбезную, вдруг да не примут в октябрюта, а потом в пионеры, а потом в комсомол, потому что... почему? Что за пуповина тянулась к нему с самых двадцатых годов, у всех давным-давно порвалась, а его кишочка все накачивает, накачивает чужой виной. А – чужой? А – виной? И никому ведь не расскажешь, смешно это, смешно и глупо. Да, было бы смешно, если б не чувствовал Иван Прокопович враждебность пространства так сильно, что порой боялся заснуть, а заснув – проснуться. Не умел объяснить себе фантазмагорического симбиоза двух равносильных чувств: до слёз родное Дединово, Ока, белые мальвы в палисаде, и – живущие в этом же объёме остроглазые чёрные духи, которые кроме огромной своей чёрной работы пристально следят ещё и за ним, Иваном Прокоповичем Сутейкиным, когда он всё-таки расслабится и проявится: да вот хоть и присвоит совхозную копеечку. Бендера им!.. Не дождутся. Иван Прокопович не Микоян, конечно, чтоб от Ильича до Ильича, но от Сергеича до Сергеича тянул честно, и, хотя этот нынешний Сергеич сильно раздражал его

с экрана тупой слащавостью, и долгой власти он за ним не видел, сам помимо воли, выходит, перестраивался: ещё в прошлом году он бы ни в какое МэПэ денег не перевёл, хоть премьер-министр ему прикажи, только на завод, а сегодня – перестроился! – в МэПэ «Трилобит» за запчасти к «кировцам» отправил аж три тысячи шестьсот двадцать рублей! Неумные пришли правители: одной рукой водку пить запретили, другой огурцы в огородах сажать, ни время занять, ни закусить, ни прокормиться – нетрудовой доход... погнулись бы они в огороде после поля, нетрудовой! А ведь тридцать лет назад было уже такое... хорошими словами называют: оттепель, перестройка, а суть та же – яблоньку-то сруби!.. В прошлом году теплицы по усадьбам корчевали, набросились вороны: и милиция, и прокуратура, и советы, и райкомы (вот они, духи!), а уже в этом – МэПэ «Трилобит» запчасти к «кировцам» продаёт. Опять клоуны пришли, а не правители, и опять странное чувство, что оба Сергеича, что Микита, что Миша, – один человек, ну, не человек, один дух в двух лицах, хотя и лица-то не такие разные... Уж если так не соображают, взяли бы хоть карандаш с листочком, посчитали голые минусы... А!.. – его вдруг пронзила кошмарная мысль. – А не специально ли они всё это затеяли?.. Засланные?

Чуял, чуял Иван Прокопыч катящуюся сверху катастрофу, и боязнь её, перемешиваясь с его родовыми неизжитыми страхами, потихоньку превращала жизнь в кошмар... Одна отдушина – Катенька.

Жизнь около денег – особенно в бытность ещё кассиром, глядя на людей, так сказать, с внутренней стороны кассового окошка – сделала его физиономистом, взгляда мельком было достаточно, чтобы определить человека, как минимум, в отношении этих самых денег: этот получает своё, заработанное; этому бы давать и не за что; этот заработал втрое, этот тоже втрое, но совестлив настолько, что стесняется брать и треть; с этого, наоборот, надо бы вычесть... Всё у человека на лице, даже не на лице, а в прозрачной дымке вокруг лица... а может быть, деньги тут не при чём, просто долгое заячье существование? Что за зверь? Не сожрёт? Сильно голоден или так, гуляет? Не обидит ненароком, не знает ли чего о нём такого, заячьего? Так или иначе, когда он ещё десять лет назад впервые увидел нового секретаря ЦК

по вопросам агропромышленного комплекса, ей-богу, содрогнулся. Мало того, что сразу понял – пустой человек, не работал, не служил, не жал, не сеял, только карабкался (это бы ничего, кто там, особенно из молодых, не такой?), он ещё безошибочно увидел в нём врага, почти зверя. Спорил с собой: просто смутила клякса на лбу... и с собой же не соглашался – клякса, она не сама по себе, недаром детская память, потеряв ради сохранения самого рассудка многое, сохранила рассказы зашуганных баб о двух самых первых сельских «радетелях-коммунистах»: один был хромой, другой горбатый. И тоже, рассказывали, до того, как принялись они верховодить, оба не работали, не служили, не жали, не сеяли. Одна порода. (Боялся ещё тогда спросить: а не был ли один из них *судейкой*?)

На время похорон партпатриархов Иван Прокопович почти забыл про «кляксового», но вот три года назад, в апреле 85-го – хорошо помнил! – вышло постановление об учреждении Госагропрома СССР вместо работающих министерств... содрогнулся: это один чёрт влез в двух Сергеичей: тот, первый, начал с того же – уничтожил министерства, задвинул хозяйственников, выдвинул говорунов. И тут-то он деревенской шкуркой своей почувал: началось!

Страхи Прокопыча были как будто классифицированы, у каждого был свой вкус, точнее, свои горечь и крепость. Новому, «перестроечному», он без труда отыскал аналог в своём *страхохранилище*. Давний, выветрившийся уже, но узнаваемый и – теперь – понимаемый.

Тогда, в конце 50-х, когда, как слышалось отовсюду, разоблачали и уничтожали сами причины страхов советских людей – *тиранию*, ГУЛАГ, культ личности, – ему, самому чудом уцелевшему от этой *тирании*, почему-то наоборот тогда стало особенно страшно. Этот страх пришёл сразу за глыбообразным ледяным общенародным «как будем жить без него?». Великий был страх, но *общий*, а на миру даже такой айсберг быстро тает. А вот следующий... Не мог тогда объяснить словами его суть, был молод, находился внутри времени и событий – сидя в поезде, не понять, куда он едет, но сверх понимания, затуманенного речами и визгами немногих, было и чувство, которому нельзя было не верить, и это было чувство – да-да! – утраты.

Утраты сверхсмысла; птице, которой до этого больно выщипывали гнилые и часто здоровые, но торчащие в стороны, мешающие полёту перья под благовидным предлогом – тяжело же лететь бедняжке! – лететь запрещали вообще: сиди в курятнике! За правильными трибунными разоблачительными словами он сермяжным своим нутром чуял: грабят!

Почему? Расчёт? Стратегия? Заговор? Пришли люди, недостойные летящего народа, не перья, крылья обрезали – вот она, утрата.

Через месяц «кляксовый» стал генсеком...

Понял: всё будет наоборот. Взять хоть антиалкогольную кампанию. До неё привозили в Дединово водку два раза в неделю, ну, толпились, однако всем хватало... А потом, когда её, водки, как бы не стало, начали привозить каждый день, и все в драку, и – мало. Говорили, что её делает подпольно какой-то ушлый армянин в Коломне, только в Белоомуте три подростка отравились, один насмерть. Знают черти: надо запретить, чтобы все начали хватать и упиваться. Вот бы нашёлся там у них, среди чертей, один, чтобы совесть запретить – глядишь, тогда бы все вострепнулись, начали бы её холить, растить... хотя бы замечать, что есть она, есть!!! Нет, водку запретили... одно слово – черти!

Правда, уж как года полтора и коломенской отравы не стало. Потекла рекой бормота, страсть господняя! А пьяных всё больше, больше... Один весельчак, Франсуа Рабле, устами епископа Осерского назвал виноградогубителями даже некоторых святых... нашему, видать, тоже в святые захотелось.

А как-то приснился ему жуткий сон, что в стране, в компании с этим не пахавшим-не сеявшим аграрием, появились ещё не вкрутивший ни одной лампочки министр энергетики, не вылечивший ни одного котёнка министр здравоохранения, ненавидящий детей и неграмотный министр образования... рулят и при этом хохочут, хохочут, чёртовы дети... Проснулся в холодном поту, долго потом не мог уснуть и всё прищёптывал: «чур, чур, чур!», видимо, громко прищёптывал, так, что проснулась Валентина. «Что?» – «Да приснилось...» – «Кошмар?» – «Хуже...»

Не специально ли они всё это затеяли?..

А ведь была и малая польза от этого нового чёрта: Прокопыч – от противного (в обоих смыслах) – начал нащупывать ещё одну

причину своих страхов и сразу защиту от них: угаданная чуждость «меченого» народу до очевидного просто обнажила его, Прокопыча, этому самому народу кровную принадлежность. Демаркация, до сих пор размыто плававшая вдоль и поперёк славной человеческой общности с названием «советский народ» и то и дело отделявшая самого Прокопыча то от одной части, то от другой, почему он постоянно и чувствовал своё сиротское «ни с кем», неожиданно замерла в одном положении, отделив правильных и трезвых перестройщиков от остального отсталого люда, но единство даже с этим отсталым людом, чувство, что он с кем-то основательно вместе, его почти окрылило... Так немного, оказывается, надо, и как поздно это немного даётся!

...И чего он попёрся вчера – воскресенье! – в правление? Дел, конечно, найдётся, но что себя обманывать? – чтобы дочку с утра не встретить, не попасть на продолжение разговора. Продолжать – не по силам, замолчать – хуже, чем продолжать, уйти на работу, к вечеру рассосётся. Да и без Валентины дома пусто, вот, говорят, старики к одиночеству тяготеют, а он чем старше, тем без Вали своей сиротливее. Знать, ещё не старик...

В Озёры бы надо сегодня дозвониться: долго они там ещё болеть собираются? Хм, тоже ведь в мае сорвалась, в огороде дел столько... от комаров, что ли, бегут? И ведь только последние два-три года этот майский психоз, раньше в мае никто никуда сбежать и подумать не могли – капуста, по местам стоять! Что-то катится из-за леса, из-за гор да по Оке-матушке, коли за несколько лет слышно...

Утро опять было расчудесным, даром что понедельник. С Оки наплывали тёплые воздушные волны, как будто невидимый великан бережно махал с парома на село черёмуховым опахалом, а из-за поворота выехала-таки милицейская машина – не дед-новская. Надо будет у крестника спросить, что за передвижение началось в округе...

Утренние гости

Белал – Лилит – бригадирша

*Гость на гость – хозяину радость.
Русская пословица*

Белал

*Он одним глотком выпил коньяк
и с тоской заглянул в пустой стакан.
– Еще один? – спросил Гудвин.
– По совести говоря, –
отозвался падший ангел, – мне
не нравится ваше слово «один»...
О. Генри, «Короли и капуста»*

Наступил понедельник, определённый всем коллективом и каждым в отдельности как день решительного «выхода в поле». Когда ж ещё, как не в понедельник? Зачем же ещё он и нужен, понедельник, как не для того, чтобы начинать, наконец, что-то делать? Великий день. Фундамент. Краеугольная бутылка шампанского о борт отплывающей в капустное поле вечности. Начало. Дожили до понедельника, начавшегося в субботу. Инна Чурикова в обнимку с Вячеславом Тихоновым в футболках с надписью «НИИЧАВО» в одной команде с забивающим победный гол югославам Виктором Понедельником.

Понедельник целиком под Луной. Мундей. Покровительствующий ангел понедельника Самцил с доброй улыбкой возвещает: «Пора, ребята, на работу». На работу! Даёшь капусту трудовому народу!

Но у понедельника, у Мундея, были ещё и демоны – Белал и Лилит, они-то знали, что понедельник не просто день, а день тяжёлый, поэтому готовы были принять любой облик и вооружиться любой идеей, только бы не допустить в этот день никого до работы, особенно до дел, касающихся капусты, ибо в Мундей дел с *капустой* иметь нельзя, это грозит катастрофическими расходами на всю неделю.